

М. И. Кутузов в Бородинском сражении

Основная цель публикации — попытаться дать оценку основным моментам деятельности М.И.Кутузова в сражении при селе Бородине, опираясь на рапорты, письма, дневники и воспоминания участников этого события. Будучи ограничены объемом публикации, мы опустили историографическую часть темы; по той же причине мы не претендуем и на полноту освещения вопроса. Заметим лишь, что ни один историк, писавший о Кутузове, не обошел этой темы молчанием. Мнения о роли полководца при Бородине, как известно, полярны. Одни утверждали, что «все от него проистекало и он все предугадывал»ⁱ, другие, напротив, считали, что «роль Кутузова в отдельных моментах этого великого сражения равняется почти нулю. Кутузов, по-видимому, представлял лишь абстрактный авторитет...»ⁱⁱ Историки, как правило, придерживались одного какого-то мнения, что, в свою очередь, приводило к крайностям и в историографии. Анализируя источники заново, мы убеждаемся, что участники сражения неоднозначно оценивали происходившие на их глазах события. Лишь сопоставляя эти оценки и пытаясь понять, на чем они основаны, мы сможем прояснить некоторые спорные моменты в истории самого значительного события Отечественной войны 1812г.

Битва при Бородине, первая крупная военная операция, проведенная М.И. Кутузовым в ходе кампании, стала как бы очередной дуэлью с Наполеоном после сражения при Аустерлице, где авторитет Кутузова подвергся серьезному испытанию.

Следует сразу отметить, что 67-летний вождь русской армии не испытывал моральной подавленности после поражения при Аустерлице. «Видно, что Вы никогда не бывали разбиты, со мною же и не такие беды бывали. Я проиграл Аустерлицкое сражение, да не плакал; обстоятельства могут еще поправиться»ⁱⁱⁱ, — сказал он в 1809 г. в ободрение фельдмаршалу кн. А.А. Прозоровскому, потерпевшему неудачу при штурме Браилова. Кутузов прекрасно сознавал, что его назначение Главнокомандующим связано с ожидаемым переходом к решительным действиям. Этого требовал от него Государь, этого ждала от него армия, уставшая от бесконечного отступления. Ему было ясно, что Наполеон рассчитывал в Бородинском сражении не только «отворить ворота Москвы», но и победоносно завершить войну. В связи с этим встает вопрос: насколько решителен был сам полководец в своем намерении защитить первопрестольную? Какого результата он хотел в действительности добиться в сражении?

Квартирмейстер 1-й Западной армии в 1812г. К.Ф.Толь, которому Кутузов доверял больше, чем другим, писал в 1839 г. в «Описании сражения бывшего при селе Бородине...»: «...Почему Российская армия дала сражение при Бородине, и для чего, отразив неприятеля и удержав за собою 26-го числа место сражения, предприняла потом отступательное движение, с самого начала войны Российскими армиями производимое, последствием коего было занятие неприятелем Москвы? Дабы разрешить сей вопрос, надлежит поставить на вид, во-первых: хотя отступное движение Российской армии с начала войны предположено было в общем плане наших действий, не менее того, войска наши примерным образом начали терять воинский дух россиянам свойственный, который необходимо нужно было поддержать. Во-вторых, прибытие генерала-от-инфантерии князя Голенищева-Кутузова к армии при Царевом Займище оживило войска наши до такой степени, что все единодушно желали сразиться с неприятелем. Мысль отдать столицу неприятелю без сражения ужасала каждого Русского, и потому Главнокомандующий решился остановиться на первой крепкой позиции, дать сражение неприятелю»^{iv}.

Зная о большом числе неточностей, допущенных в этом труде К.Ф. Толя, можно предположить, что ученик М.И. Кутузова домысливал события «задним» числом. Известно, что, покидая Санкт-Петербург, полководец обнадежил Александра I, заявив, что он скорее ляжет костью, чем допустит неприятеля к Москве. Можно предположить, что он произнес эти слова, еще не зная истинного положения дел с резервами и точных предписаний армиям А.П. Тормасова и П.Я. Чичагова. Из его переписки в те дни явствует, что последнему обстоятельству полководец придавал решающее значение. Имея точные сведения, он судил уже иначе. В письме Александру I от 22 августа он сообщал, что застал армию «в полном отступлении, и после кровопролитных дел в Смоленске бывших, полки весьма некомплектными»^v.

В отношении Чичагову от 20 августа, настаивая на сближении его армии с главным театром военных действий, Кутузов указывал на сложность обстоятельств: «...Я нашел неприятеля в сердце древней России»^{vi}. Еще 17 августа он поделился в письме своими сомнениями с Ф.В. Ростопчиным: «Не решен еще вопрос, что важнее — потерять ли армию или потерять Москву»^{vii}.

Таким образом, эта мысль не давала покоя Главнокомандующему задолго до Военного совета в Филях. Хотя Кутузов успокаивает в письме Московского главнокомандующего: «По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России»^{viii}, тем не менее в известном письме к дочери в Тарусу от 19 августа он пишет: «Я хочу, чтобы вы уехали подальше от театра войны. Уезжай же, мой друг! Но я требую, чтобы все сказанное мною было сохранено в глубочайшей тайне...»^{ix} К 22 августа иллюзий у Кутузова уже не было: «Ежели буду побежден, то пойду к Москве»^x, — ставил он в известность гр. Ростопчина.

Наполеон говорил, что «самое сложное на войне — это переход от оборонительных действий к наступлению»^{xi}. Мог ли рассчитывать Кутузов на переход в наступление, получив накануне Бородинской битвы всего 15 тысяч рекрутов, которые сразу же пошли на возмещение убыли в полках 1-й и 2-й Западных армий? Напомним, что шансы одолеть французов у стен Москвы скептически оценивал кн. П.И. Багратион. В середине августа, накануне назначения Кутузова, он писал гр. Ростопчину: «И, Боже сохрани, если теперь мне дадут команду, способу нет... Ежели бы неприятель был подальше, тогда бы мог я распорядиться, а теперь нету времени, как идти на него»^{xii}.

Своеобразие положения М.И. Кутузова при Бородине заключалось в том, что его ближайшие сподвижники и помощники относились к нему крайне сдержанно, если не сказать враждебно. Это отношение, естественно, проявилось в их высказываниях. Причем и у Беннигсена, и у Багратиона, и у Барклая де Толли были на то свои веские причины. «Борьба за начальство есть неискоренимая причина раздора»^{xiii}, — писал английский комиссар Р.Т. Вильсон лорду Кэткуарту вскоре после Бородинского сражения, где Багратион, как известно, был смертельно ранен, а от остальных «совместников» Кутузову пришлось вскоре избавиться самому. Однако на Бородинском поле все они оказались в его подчинении, что требовало от Кутузова особого такта в принятии решений. В отличие от своих оппонентов Беннигсена и Барклая де Толли, он не вступал в публичные дискуссии на виду у подчиненных, был лаконичен в письмах и не оставил воспоминаний, отчего многим сослуживцам роль полководца представлялась пассивной на фоне его темпераментного и не сдержанного на язык начальника Главного штаба.

Сила же Кутузова заключалась в том, что большая часть армии, не связанная с ним личными отношениями, искренне ликовала. Немец К. Клаузевиц, со своей точки зрения, так оценил причину восторга войск: «Простой, честный, но ограниченный

Барклай был бы подавлен моральными возможностями французской победы, в то время как легкомысленный Кутузов противопоставил им дерзкое чело и целый поток хвастливых речей»^{xiv}. «Опасение ответственности всегда, кажется, притупляло его способности»^{xv}, — писал англичанин лорд Тэрконель о Барклае де Толли, пытавшемся осуществить общее руководство войсками по праву военного министра. Таким образом, вопреки представлениям многих, Кутузов с первого дня своего приезда в армию предстал в образе человека волевых решений. Сколько бы ни говорили оппоненты о слабости Кутузова, легкой внушаемости со стороны отдельных лиц, нельзя не признать, что он не побоялся ответственности и «вверился на произвол сражения» у стен Москвы.

Накануне Бородинской битвы огромное значение придавалось выбору позиции, поскольку считалось, что это было то единственное, что до сих пор препятствовало генеральному сражению. «...По обыкновению у нас еще не решено: где и когда дать баталию? — все выбираем места, и все хуже находим»^{xvi}, — писал кн. Багратион гр. Ростопчину, характеризуя этот поиск, начавшийся от Смоленска. «Ваше Императорское Величество Всемиловнейше согласиться изволит, что последствия сии (оставление Москвы неприятелю — *Л.И.*) нераздельно связаны с потерей Смоленска...»^{xvii}, — констатировал Кутузов в письме к Александру I. В последнее время некоторые историки усматривают в этих словах неделикатный выпад в адрес Барклая де Толли, но, думается, дело здесь заключается в ином. Клаузевиц, взирая на все бесстрастным взором иностранца, так охарактеризовал в военном отношении специфику местности: «Россия чрезвычайно бедна позициями... там, где леса вырублены, как между Смоленском и Москвой, местность плоская, без определенно выраженного рельефа, нет глубоко врезанных долин, поля не огорожены... селения имеют деревянные постройки, а потому мало пригодны к обороне»^{xviii}. В связи с этим уже выбор позиции стал камнем преткновения между Кутузовым и его ближайшим окружением. Их аргументы стали уже хрестоматийными. Барклай, явно оскорбленный тем, что армия покинула место, выбранное им для боя, впоследствии писал Александру I: «Они (Кудашев и Кайсаров. — *Л.И.*) условились заметить престарелому и слабому князю, что по разбитии неприятеля в Царево-Займище, слава сего подвига не ему припишется, но избравшим позицию...»^{xix}

Заметим, что в отличие от Кутузова, Барклай де Толли на этот раз не только намеревался дать сражение, но и выиграть его непременно, выбрав у Царева-Займища позицию, где в тылу у русских находилась река, препятствовавшая отступлению (по этой причине ее оставил Кутузов). О позиции при Бородине Барклай отозвался отрицательно. «...Она (позиция — *Л.И.*) была выгодна в центре и на правом фланге, но левое крыло в прямой линии с центром совершенно ничем не подкреплялось...»^{xx} В избрании этой позиции главнокомандующий 1-й армии обвинял Беннигсена, якобы имевшего неограниченное влияние на Кутузова, действовавшего заодно с ним. «Все, что не от него происходило или не им было предлагаемо, подвергалось осуждению»^{xxi}, — справедливо заметил Барклай по поводу начальника Главного штаба. К сожалению, он не замечает наличия подобной же слабости в себе самом. С точки зрения Барклая, особую опасность представляла Старая Смоленская дорога, огибавшая слева фланг 2-й армии. Беннигсен, однако, отрицал свое участие в выборе позиции. В письме генералу Фоку от 20 сентября, предназначавшемся для прочтения императором, он писал: «Я не говорил о Бородино, как о выгодной позиции, но полковник Толь, назначенный Главнокомандующим на должность генерал-квартирмейстера, избрал ее для сражения... При выборе позиции он удовольствовался тем, что ее фронт, был прикрыт жалкими речушками, которые везде можно было перейти вброд, оставив оба фланга без

поддержки и не защитив их укреплениями...»^{xxii}

Заметим, что тем самым Беннигсен отвергает какие-либо преимущества местности не только на левом, но и на правом флангах, подчеркивая, что оба фланга подвергались опасности обхода. При этом и Барклай, и Беннигсен ссылаются на авторитетное мнение князя Багратиона, доносившего накануне Шевардинского боя Кутузову, что «в настоящем положении его левый фланг подвержен величайшей опасности»^{xxiii}. Кутузов, со своей стороны, к мнению Багратиона прислушался, и левый фланг был отнесен за Семеновский овраг. Причем произошло это не вследствие нападения французов, как пишет Александру I Барклай, а накануне, как свидетельствуют о том документы. Очевидно, что позицией у деревни Семеновское, фронт которой прикрывал овраг, Багратион был относительно удовлетворен. Во всяком случае начальник его штаба генерал-лейтенант Э.Ф. Сен-При отозвался в дневнике о позиции благожелательно: «...деревня Семеновка (Семеновское — *Л.И.*) была ключом избранной позиции, которая оказывалась достаточно прикрытой на правом фланге и в центре берегами Колочи. Неприятель мог легко обойти эту позицию, двигаясь через Ельню по Старой Смоленской дороге на Утицу, и затем лесами мог подойти на пушечный выстрел к Семеновскому. Главнокомандующий, чтобы воспрепятствовать приближению к ней, приказал укрепить деревню и возвести впереди несколько флешей»^{xxiv}.

Здесь следует привести несколько беспристрастных оценок выбранной позиции. В частности, начальник артиллерии граф А.И. Кутайсов, по словам Евгения Вюртембергского, утверждал, что «и перед самой Москвою мы не нашли бы позиции, которая была бы удобнее к бою»^{xxv}. Сходно с ним оценивает Бородинскую позицию Клаузевиц, сам участвовавший в сражении. Он утверждал, что трудно было «найти лучшую позицию, чем при Бородино»^{xxvi}. При этом Клаузевиц, как и Беннигсен, подчеркивает ту роль, которую играл при Кутузове полковник Толь, писавший впоследствии историку Д.П. Бутурлину: «...Я, конечно, могу похвалиться тем, что разделял с ним (Кутузовым — *Л.И.*) труды и занятия сей славной войны, что был его главным сотрудником и первым орудием во всем том, что он обдумывал для погубления неприятеля, и, наконец, что я пользовался в высшей степени его уважением и доверием. Честь эта, конечно, не малая...»^{xxvii}

Нельзя не согласиться с тем, что Кутузов действительно доверял своему генерал-квартирмейстеру и с ним, в основном, обсуждал вопросы, связанные с подготовкой к сражению. Поэтому интересно узнать чем они оба руководствовались, выбирая позицию? На главный их принцип указывает в своих Записках Евгений Вюртембергский: «Мнение Толя я разделял вполне. Оно состояло в том, что только те позиции выгодны, которые благоприятствуют наступательным движениям резервов, и на которых резервы могут быть расположены до тех пор скрытно... При таких условиях наступающий имеет на своей стороне ту выгоду, что может выждать пока объяснятся виды противника...»^{xxviii} Зная ход самого сражения, мы можем утверждать, что по крайней мере этому требованию Бородинская позиция вполне отвечала, что было важно при оборонительном характере сражения. По этой же причине высоко оценил позицию сам Наполеон: она давала возможность не только отражать удары, но и наносить их самим, особенно на левом фланге.

Кстати, самому Кутузову, которого Барклай де Толли, Беннигсен и Ермолов упрекали в том, что он из-за тучности и лени, якобы не был знаком с условиями местности и слепо доверял в оценке позиции другим, по словам генерал-квартирмейстера М.С. Вистицкого, эта позиция сначала не понравилась. И лишь

взвесив все ее достоинства и недостатки и приняв во внимание, что лучшей позиции уже, пожалуй, и не сыскать, Кутузов взял на себя ответственность принять сражение на Бородинском поле^{xxxix}. Нам известен лишь итог его размышлений по этому поводу: «Позиция, в которой я остановился в 12-ти верстах вперед Можайска одна из наилучших, которые только на плоских местах найти можно. Слабое место сей позиции на левом фланге находящееся, надеюсь я исправить с помощью искусства»^{xxx}. Досадно, когда авторы, пишущие о Бородинском сражении, не придают значения свидетельствам его участников. В качестве примера можно привести цитату из известной книги Н.А. Троицкого: «Главное же, позиция позволила русской армии "оседлать" обе дороги, ведущие к Москве, — Старую Смоленскую и Новую Смоленскую. Слабость русской позиции заключалась прежде всего в том, что ее левый фланг был открыт для фронтального удара. Поэтому Кутузов распорядился прикрыть его инженерными сооружениями (флешами) на высоте у дер. Семеновская, а потом и загнуть оный к флешам»^{xxxi}. На самом деле то, что Троицкий считает силой, являлось, судя по мнению Кутузова и участников сражения — слабостью, и наоборот. То, что позиция была открыта на сравнительно узком участке для фронтального удара, по мнению участников битвы было ее достоинством, а то, что в лесу у левого фланга ее огибала Старая Смоленская дорога, ведущая в тыл, делало ее уязвимой. Судя по рапортам Кутузова и Багратиона, флешы были сооружены как раз для связи с войсками, эту дорогу прикрывавшими. Что касается утверждения Троицкого, будто флешы были выстроены на Семеновских высотах, то из пего явствует, что автор сам никогда не был на Бородинском поле.

В статье «Боевые действия русских войск у дер. Семеновское», опубликованной в сборнике материалов научной конференции в Бородино^{xxxii}, нам доводилось отмечать, что в отечественной историографии уже традиционно сложилось неверное представление о том, какой смысл вкладывало русское командование в понятие «левый фланг». Представление о нем изначально сводится в трудах историков к флешам Багратиона, с которыми связана основная часть описания Бородинского сражения. Однако Кутузов, Беннигсен, Багратион, Ермолов, Сен-При, Вистицкий и другие участники сражения однозначно считали, что основная часть позиции левого крыла проходила по линии Семеновского оврага. Историки ошибочно называют ее «второй позицией», на которой разместились наши войска после оставления ими флешей. На самом же деле флешы, согласно документам, входили в систему укреплений левого крыла и служили для связи с войсками, находившимися на Старой Смоленской дороге. Утверждение о чрезмерной слабости этого участка нашей позиции следует признать преувеличенным. В частности, к числу безусловных ее выгод относится наличие естественных возвышенностей, которые в сочетании с полевыми укреплениями обеспечивали интенсивный перекрестный обстрел всей позиции левого крыла, что затрудняло здесь действия французов и привело к значительным потерям противника, главным образом в пехоте. В частности, войска, расположенные на участке между батареей Раевского и северной окраиной дер. Семеновское, долгое время вообще не подвергались атакам французской пехоты именно по этой причине.

Подготовка к обороне центральной высоты, или Курганной батареи Раевского, также послужила поводом для столкновения мнений. Кутузов, Беннигсен, Барклай де Толли одинаково считали это укрепление, по важности занимаемого им места, «ключом всей позиции». 24 августа офицеры и генералы дивизий, размещенных у батареи Раевского, стали свидетелями спора между генералом от кавалерии Беннигсеном и полковником Толем по поводу тех мер, которые следовало принять для защиты этого участка русской позиции. Если Толь предлагал соорудить здесь люнет на 18 орудий и

включить его в пинию обороны 6-го и 7-го корпусов, то Беннигсен настаивал на сомкнутом укреплении с амбразурами для 24-х или даже 36-ти орудий, приспособленное для круговой обороны, и советовал «поместить здесь четыре или пять батальонов пехоты». Очевидец указывал: «...Толь говорил, что неприятель, направясь на этот высунувшийся пункт и овладев оным будет командовать позициею 6-го и 7-го корпусов, и сосредоточив здесь многочисленную артиллерию собьет оные со своего места; тогда как включив это возвышение в позицию, ему придется бороться в одно время с двумя корпусами и т.д. Беннигсен возражал, что если включат этот пункт в позицию, неприятель, завладев оным, будет анфилировать линию обоих корпусов, и тем понудит их отступить в настоящую позицию уже от большой убыли неминуемо расстроенными»^{xxxiii}.

В отличие от Беннигсена, превратившего выбор позиции в публичное зрелище, где он демонстрировал глубину своих военных познаний, Кутузов «не произнес ни слова ни в пользу, ни против кого-либо из излагавших свое мнение»^{xxxiv}. В конце концов Главнокомандующий поддержал предложение Толя.

Укрепление, возведенное по замыслу начальника Главного штаба, вероятно, сразу бы привлекло внимание французов, т.к. их атаки на деревню Семеновское в начале сражения были бы затруднены при наличии сильного укрепления, действовавшего им во фланг. Но при видимой силе и неприступности этого укрепления у него был бы существенный недостаток: в случае захвата его неприятелем русские войска не успели бы свезти с него 24-х, а то и 36-ти батарейных орудий, а обратное овладение редутом представляло бы не меньше трудностей, чем для французов, захвативших его. В этом случае неудача в центре для русских сразу же могла обернуться катастрофой, так как при занятии французами укрепления, сооруженного по совету Беннигсена, невозможной сделалась бы и оборона дер. Семеновское. И.Ф. Паскевич (при Бородине — генерал-майор, начальник 26 пех. дивизии) заметил по сходному поводу, что подобные укрепления строятся «как будто с тем, чтобы не выходить из них»^{xxxv}. Но кто мог рассчитывать на абсолютный успех в предстоящем сражении? Батарею Раевского, укрепленную по предложению Толя легче было захватить, но в ней невозможно было удержаться при перекрестном обстреле. В ходе самой битвы французы, как известно, не придали сразу решающего значения центральному укреплению и атаковали его после того, как уже понесли большие потери на участке «флеши Багратиона — дер. Семеновское». В результате несоразмерности в силах первая атака неприятеля была отбита, что позволило удержать линию обороны и у дер. Семеновское. Лишь около 15.00 батарея Раевского была захвачена французами, главным образом, силами конницы, которая без пехоты не смогла развить свой успех.

Кроме вопросов, связанных с выбором позиции, наибольшую часть нареканий у оппонентов Кутузова вызывала дислокация войск, что было, безусловно, связано с определением направления главного удара со стороны неприятеля. Так, Барклай де Толли писал о явной угрозе левому флангу со стороны Старой Смоленской дороги и сообщал Императору о мерах, предложенных им Главнокомандующему: «Князю Кутузову предложено было под вечер, при наступлении темноты, исполнить с армиею движение так, что правый фланг 1-й армии отступал на высоты Горки, а левый примыкал к деревне Семеновской, но чтобы вся 2-я армия заняла место, в коем находится 3-й корпус. Сие расположение не переменяло бы боевого порядка; каждый генерал имел при себе собранные войска; резервы наши, не начиная дела, могли быть и сбережены до последнего времени не будучи рассеяны и, может быть, решили бы сражение. Князь Багратион не будучи атакован, сам бы с успехом ударил на правый

фланг неприятеля»^{xxxvi}. Если бы Кутузов не пренебрег этими советами, то, по мнению Баркляя, русские войска в сражении добились бы решительного успеха.

Многие историки упрекали Кутузова в том, что он непозволительно долго удерживал в бездействии силы правого фланга. Их доводы не лишены серьезных оснований. Это особенно наглядно явствует из вышедшей недавно интересной и содержательной работы исследователя из Самары А.И. Попова. «Насколько озабочен был русский Главнокомандующий защитой правого крыла, настолько же его противник буквально пренебрег этим направлением»^{xxxvii}, — констатирует автор, подтверждая свое мнение ссылками на русские и иностранные источники. Наряду с этим Попов отметил, что «окончательно уточнить распределение французских войск на позиции можно было лишь перед началом сражения»^{xxxviii}, то есть после того как атаман М.И. Платов по приказу Главнокомандующего произвел разведку и (между 7 и 8 часами утра) не обнаружил «почти вовсе неприятеля там, где предполагалось все его левое крыло»^{xxxix}. До этой минуты у Кутузова были веские основания опасаться удара в центре между селом Бородино и деревней Семеновское, что подтверждается и воспоминаниями генерала Пеле, служившего при штабе Наполеона: «Наши силы представлялись этому Генералу (Кутузову — *Л.И.*) в двух колоннах, направленных на центр по линии. Подобное расположение достаточно указывало на то, что Наполеон переведет французскую армию на тот или другой берег реки Колочи...»^{xl}

Следует отметить также, что Кутузову было трудно предусмотреть все перемещения французских войск в ходе самого сражения, зависящие от случая. Например, согласно диспозиции, 3-й пех. корпус маршала Нея и подчиненный ему Вестфальский корпус генерала Жюно должны были нанести удар между батареей Раевского и северной окраиной дер. Семеновское. Однако Ней самовольно изменил данное ему направление атаки, свернув к флешам Багратиона, а корпус Жюно переместился с левого фланга 3-й пех. корпуса на крайний правый, пытаясь совершить обход деревни по Старой Смоленской дороге^{xli}. Это смещение французских войск вправо следует признать неожиданностью не только для Кутузова, но и для Наполеона. Предвидеть такое было невозможно, хотя начальник штаба Л.Л. Беннигсен в этом случае был солидарен с Баркляем, утверждавшим, что Кутузов и Беннигсен оба считали, что «Старая Смоленская дорога могла быть защищаема одними нестроевыми войсками»^{xlii}. Однако сам Беннигсен писал впоследствии, что и он неоднократно обращался к Кутузову с теми же аргументами, что и главнокомандующий 1-й армией. Так, он вспоминал, что 25 августа «предложил опереть наш правый фланг на деревню Горки и двинуть все остальные войска нашего правого фланга на поддержку левого крыла. Мои убеждения остались и на этот раз безуспешными». Далее Беннигсен вспоминал, что уже 26 августа, на рассвете, вернувшись с батареи Раевского, он сказал Кутузову: «Если вы не хотите, чтобы Ваш левый фланг был опрокинут с потерей 20 или 30 орудий, поспешите послать туда все войска с правого фланга; только бы они подоспели туда вовремя. Выслушав меня Кутузов приказал, чтобы часть войск была послана для поддержки нашего левого фланга; когда же было получено донесение, что наши дела на этом фланге шли плохо, то он послал туда и остальную часть войска. К несчастью, все эти подкрепления прибыли слишком поздно, по причине большей растянутости на шей позиции...»^{xliii} Из слов Беннигсена явствует, что по распоряжению Кутузова первыми подошли на помощь войскам 2-й Западной армии и заняли позицию у дер. Семеновское гвардейские полки, и это опровергает традиционную версию, бытующую в нашей историографии. Беннигсен отдал этот приказ между 5 и 6 час. утра, что подтверждается рапортом командира гвардейского корпуса генерал-лейтенанта

Лаврова^{xliv}. Итак, уже на рассвете 26 августа русский Главнокомандующий, не дожидаясь атак на левом фланге, начал стягивать туда войска. Гвардия вступила в сражение еще до того, как к Семеновскому подоспели полки 2-го и 4-го пехотных корпусов, что в некоторой степени опровергает мнение о том, будто резервы не успевали к левому флангу.

Огромные потери, понесенные на этом участке фронта, Клаузевиц объясняет не столько нехваткой войск, сколько, напротив, их переизбытком. Его точка зрения заслуживает внимания: «Мы должны будем признать, что построение первых линий было очень плотным. Если к этому добавить, что корпуса Багговута и Остермана, оказавшиеся без дела на правом крыле, впоследствии были взяты оттуда и использованы на поддержку других, пунктов и, следовательно, также играли роль резерва, то мы увидим, что русская армия дралась в тот день в беспримерном по тесноте и глубине построении. Столь же тесно, а следовательно, примерно, также глубоко построилась и французская армия. Этим объясняется сильное и упорное сопротивление русских... Этим же объясняются и огромные потери людьми»^{xlv}. Полковник Толь «являлся решительным сторонником глубокого построения, то есть занятия короткого фронта и сохранения сильных резервов. Автор также в этом построении видит лучшее средство обеспечить переход от обороны к наступлению... Но мы не можем одобрить то использование этого принципа, которое полковник Толь в данном случае допустил. По нашему мнению, поле сражения должно было иметь большую пространственную глубину, то есть кавалерию и резервы следовало отодвинуть глубже назад»^{xlvi}.

Мнение Клаузевица о чрезмерной плотности боевого порядка на левом фланге подтверждается воспоминаниями офицера квартирмейстерской части Н. Муравьева: «На левом фланге войска наши стояли в 6 линий»^{xlvii}.

Таким образом, Кутузова трудно упрекнуть в отсутствии здесь войск в кризисный момент сражения. Встает вопрос: мог ли он сосредоточить эти войска сразу же? Давала ли Бородинская позиция возможность к размещению 1-й Западной армии на участке от Горок до Семеновского, а всей 2-й западной армии — на Старой Смоленской дороге? Беннигсен, Барклай де Толли, Евгений Вюртембергский упрекали Кутузова за то, что, вопреки их советам, он поставил на Старой Смоленской дороге ограниченное число войск. Но ведь и Наполеон отказался от предложения маршала Даву послать в обход по узкому дефиле 50-тысячный корпус. Одна из причин этого решения — труднопроходимый Утицкий лес, который препятствовал развертыванию там значительных сил. В отличие от Беннигсена и Барклая де Толли, полагавших левое крыло не способным к обороне, генералы 2-й Западной армии Сен-При и Вистицкий считали, что корпус генерал-лейтенанта Тучкова-1 слишком рано вступил в дело, а войска, оборонявшие дер. Семеновское, вполне могли удерживать позицию до нанесения флангового удара, предписанного 3-му пех. корпусу. «На бедного Тучкова пало даже подозрение в Главной квартире, что он не умел удержаться», — писал А.А. Щербинин.

Коль скоро речь зашла о действиях корпуса генерал-лейтенанта Тучкова 1-го в Бородинском сражении, уместно будет перейти к вопросу о руководстве войсками на поле сражения. Тема эта, безусловно, является самой «болезненной», даже если не принимать во внимание свидетельства Беннигсена, Барклая де Толли, Вистицкого, Ростопчина и др. о том, какое влияние оказывали на Кутузова Толь, Кудашев, Кайсаров. Недоброжелатели полководца были слишком пристрастны, проверить же справедливость их суждений сложно. Мы имеем в виду трудности в управлении войсками, которые существовали независимо от воли и характера Кутузова и которых,

безусловно, не могло быть в армии Наполеона, совмещавшего в своей особе пост главнокомандующего с императорским саном. Под началом Кутузова было два главнокомандующих, фактически самостоятельно распоряжавшихся войсками, — Барклай де Толли и Багратион. У каждого из них был свой Главный штаб со своим начальником. В этой противоестественной ситуации, в которой оказались трое главнокомандующих и трое начальников штабов, безусловно, в наиболее тяжелом положении оказался Барклай де Толли, более всех выиграл Беннигсен, но недовольны были оба.

К тому же накануне сражения Барклай де Толли продолжал считать себя Военным министром, так как указ об отрешении его от этой должности был подписан лишь 24 августа. Неудивительно, что в день битвы он считал себя вправе «беспосредственно» распоряжаться, по крайней мере, войсками 1-й Западной армии, но в этом случае его положение оказалось худшим, чем у кн. Багратиона, так как Кутузов со штабом находился в расположении войск правого крыла, рассматривавшегося в качестве резерва, направляемого на левый фланг часто без согласования с Барклаем, что вынуждало его печально констатировать факт: «...Каждое из начальствующих лиц уводило войска и располагало оными, не достаивая Главнокомандующего (т.е. Барклая — *Л.И.*) известием»^{xlvi}. Так, он не знал о том, когда у него были взяты весь 3-й пех. корпус, пех. бригада гвардейских полков полковника М.Е. Храповицкого, бригада 1-й кирасирской дивизии (полки л.-гв. Его и Ее Императорских Величеств и Астраханский) генерал-лейтенанта М.М. Бороздина 2-го, 2-й пех. корпус генерал-лейтенанта К.Ф.Багговута, хотя некоторые историки утверждают, что последний приказ был отдан именно Барклаем. Однако сам главнокомандующий 1-й Западной армией, перечислив все свои заслуги и удачные распоряжения в этот день, не упоминает в их числе о 2-м пех. корпусе, а из контекста его рапорта М.И. Кутузову от 26 сентября из Калуги можно заключить, что этот приказ был отдан Кутузовым. Во всяком случае, на этой версии настаивает Щербинин, отправленный с распоряжением к Багговуту. Гвардейские полки были отправлены на левый фланг Беннигсеном, который также считал себя вправе отдавать приказы без ограничений, во-первых, на основании «Уложения о большой действующей армии», предоставлявшего начальнику штаба огромные полномочия. Полагая себя единственным полководцем, кто мог бы на равных состязаться с Наполеоном в военном искусстве, «победителем непобедимого», Беннигсен смело вмешивался в распоряжения Кутузова, не ставя Главнокомандующего в известность, что, в частности, проявилось при размещении на позиции 3-го пех. корпуса Тучкова 1-го, на примере которого наиболее отчетливо можно проследить все несовершенства управления войсками в день битвы. Генерал-лейтенант Тучков 1-й, подчинявшийся как главнокомандующему Барклаю де Толли, поскольку его корпус входил в состав 1-й Западной армии, без ведома последнего был передвинут по приказу Кутузова с правого фланга на Старую Смоленскую дорогу и занимал там позицию за Утицким курганом. Начальник Главного штаба Беннигсен, не вникая в замыслы Кутузова, вывел его из скрытого расположения, заставив встать в линию с войсками левого крыла. В ходе сражения кн. Багратион, не интересуясь ролью, предписанной корпусу Тучкова, потребовал от него 3-ю пех. дивизию в подкрепление войскам 2-й Армии. Тучков выполнил и это последнее распоряжение, очевидно полагая, что, находясь на левом крыле, он обязан подчиниться старшему здесь в чине генералу. Накануне последнего в своей жизни сражения командир 3-го пех. корпуса, один из самых опытных военачальников русской армии, отчаялся разобраться в том, какие действия ему предписывались и в чьей команде он состоит. Об этом как раз и свидетельствуют

воспоминания А.А. Щербинина: «...О назначении же оставаться скрытно от неприятеля он (Тучков-1 — *Л.И.*) не заметил Беннигсену, вероятно, потому что сам не ведал плана главнокомандующего...Тучкову судьба не представила оправдаться. Он пал при первых выстрелах...»^{xlix}

В связи с этим нельзя не согласиться с мнением историка А.Н. Попова, посвятившего немало труда выяснению сложных отношений между Кутузовым и его ближайшими соратниками. «Мы не позволим себе оценивать военные действия и распоряжения ходом сражений, но не можем не заметить, что если распоряжается ими не один главнокомандующий, а подчиненные ему лица позволяют делать распоряжения силою своей власти и не доводя даже до сведения главнокомандующего, то едва ли может быть соблюден порядок»^l. Ведь кроме отмеченного выше можно привести и другие примеры несовершенства в управления войсками на Бородинском поле. Следует отметить вообще переизбыток «полных» генералов или генералов от инфантерии на поле сражения при недостаточном числе войск. Так, прибытие без команды генерала от инфантерии М.А. Милорадовича заставило Кутузова передать в его подчинение войска правого крыла (2-й и 4-й пех. корпуса), что неминуемо повлекло за собой назначение командующим войсками центра командира 6-го пех. корпуса, также генерала от инфантерии, Д.С. Дохтурова, которому, однако, не подчинялся командир 7-го пех. корпуса 2-й Западной армии генерал-лейтенант Н.Н. Раевский. Таким образом назначение Дохтурова распространялось в центре лишь на войска 1-й Западной армии, к которой он принадлежал^{li}. Отправив генерал-лейтенанта Дохтурова, старшего по возрасту, боевому опыту и заслугам военачальника руководить действиями 2-й Западной армии после ранения Багратиона, Кутузов, как выяснилось после сражения, совершил недопустимую оплошность, которую вопреки своему внутреннему убеждению должен был исправить.

Вот что писал по этому поводу Д.С. Дохтуров своей супруге: «...Я во время последнего сражения командовал 2-ю армиею на место князя Багратиона, какой был ранен; после же сражения, когда Кутузов узнал, что я моложе Милорадовича, то он очень передо мною извинялся, что должен армию, как старшему препоручить ему. Я не был сим ни мало оскорблен, ибо по старшинству сие следует»^{lii}. По старшинству, конечно, следовало, но нельзя не заметить, что в самый тяжелый для 2-й армии час, после потерь, от которых армия Багратиона уже не оправилась, находился с нею под огнем и спас ее от разгрома генерал от инфантерии Дохтуров, назначенный «по ошибке».

Не менее показателен в этом отношении и пример, связанный с прибытием к армии накануне сражения генерал-лейтенанта кн. Д.В. Голицына 5-го. В соответствии с чином и старшинством он должен был принять под свое начальство корпус. Вакансию для него можно было создать, отобрав командование у младшего по выслуге лет. На это Кутузов не пошел, поэтому недостающий корпус был создан из двух кирасирских дивизий, находившихся в разных армиях: 1-й кирасирской дивизии генерал-лейтенанта Н.И. Депрерадовича (командовал в день битвы Бороздин 2-й) из 1-й армии и 2-й кирасирской дивизии генерал-лейтенанта И.М. Дуки из 2-й армии. Естественно, что кн. Голицын, давший себе слово не возвращаться в армию, пока ею командует Барклай, безо всякой внутренней борьбы отправился с бригадой из трех полков на помощь войскам Багратиона, где находилась и вторая, вверенная его командованию дивизия, даже не поставив в известность Барклая де Толли, который узнал об этом лишь к трем часам дня, когда сам задумал отдать распоряжение 1-й кирасирской дивизии.

Поэтому не без основания Барклай пессимистично заметил в одном из своих

писем к Александру I: «...Начальство над войсками очень плохо. Я не считаю нужным упоминать о Бородинском сражении, чтобы доказать эту истину»^{liii}. Следует отметить, что во всех этих недостатках нельзя винить одного лишь Главнокомандующего, как это делали Беннигсен, Барклай де Толли, Ермолов, Ростопчин, Р.Вильсон, главные его оппоненты. В отношении Кутузова эти лица, к сожалению, не беспристрастны. Здесь следует учесть и те обстоятельства, что сложились в армии накануне прибытия полководца, и те определенные традиции и неписанные правила, которых никто не отменял.

В заключение хотелось бы сослаться на мнение генерала Пеле, у которого было больше причин для того, чтобы оставаться объективным. «...Если он (Кутузов — *Л.И.*) не разу увидал, что ему следовало сделать, то в продолжении дня он обнаружил тот характер, который составляет одно из драгоценнейших качеств Главнокомандующего, его стойкость уравновесила и отчасти расстроила высокие соображения Императора (Наполеона — *Л.И.*) Император мог бы погибнуть, если бы сделал хотя одну ошибку в присутствии таких неприятелей»^{liv}.

Примечания

ⁱ Из Воспоминаний А.Б. Голицына//Бородино. Документы, письма, воспоминания. М., 1962, с. 343.

ⁱⁱ Клаузевиц Л. 1812 год. М., 1937, с. 80.

ⁱⁱⁱ Из Записок князя Паскевича//Русский архив. 1889. Кн. 1, с. 412.

^{iv} Толь К.Ф. Описание сражения при селе Бородине 24-26 августа 1812 года, составленное на основании рапортов г.г. корпусных командиров Российской армии, из официальных документов неприятельских, перехваченных во время преследования французской армии в 1812 году, и из иностранных описаний сей достопамятной войны, изданных по окончании оной. СПб., 1839, с. 48-49.

^v М.И. Кутузов. Письма, записки. М., 1989, с. 319.

^{vi} Там же, с. 312.

^{vii} Фельдмаршал Кутузов. Документы, дневники, воспоминания. М., 1995, с. 168.

^{viii} Там же.

^{ix} М.И. Кутузов. Письма, записки, с. 310.

^x Там же, с. 318.

^{xi} Наполеон. Воспоминания и военно-исторические произведения. СПб., 1994, с.51.

^{xii} Дубровин Н.Ф. Отечественная война в письмах современников (1812-1815). СПб., 1822, с. 99.

^{xiii} Там же, с.151.

^{xiv} Клаузевиц К. Указ. соч., с. 81.

^{xv} Дубровин Н.Ф. Указ. соч., с. 164.

^{xvi} Там же, с. 109.

^{xvii} Фельдмаршал Кутузов..., с. 200.

^{xviii} Клаузевиц К. Указ, соч., с. 87.

^{xix} Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. 1911 .Т. 18, с. 181.

^{xx} Там же, с. 183.

^{xxi} Там же, с. 182.

^{xxii} Записки графа Л.Л. Беннигсена о кампании 1812 года//Русская старина. 1909. Т. 9, с. 494.

^{xxiii} Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. 1911. Т. 18, с. 183.

^{xxiv} Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1. Вильно, 1900, с. 150.

^{xxv} Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского о кампании 1812 года в России //Военный журнал. 1848, N 1, с. 53.

^{xxvi} Клаузевиц К. Указ, соч., с. 85.

-
- xxvii Русский архив. 1873, N 3, с. 413-414.
- xxviii Воспоминания герцога Евгения Вюртембергского..., с. 50.
- xxix Харкевич В. Указ, соч., с. 186.
- xxx Фельдмаршал Кутузов..., с. 176.
- xxxi Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М., 1988, с. 138.
- xxxii Бородино. Материалы науч. конф. «Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы». Бородино, 1994, с. 26-34.
- xxxiii Липранди И. П. Материалы для истории Отечественной войны 1812 года. Сб. статей. СПб., 1867, с. 20-21.
- xxxiv Там же, с. 20.
- xxxv Паскевич И.Ф. Походные записки//1812 год в воспоминаниях современников М., 1995, с. 78.
- xxxvi Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. 1911 .Т. 18, с. 183.
- xxxvii Попов А.И. Бородинское сражение (боевые действия на Северном фронте) Самара, 1995, с. 14.
- xxxviii Там же, с. 20.
- xxxix Там же.
- xl Бородинское сражение. Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 года. М., 1872, с. 71-72.
- xli Ивченко Л.Л. Боевые действия русских войск у деревни Семеновское в Бородинском сражении//Бородино. Материалы конференции..., с. 33-34.
- xlii Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. 1911. Т. 18, с. 184.
- xliiii Записки графа Л.Л. Беннигсена..., с. 22-24.
- xliv Бородино. Документы, письма, воспоминания, с. 144.
- xlv Клаузевиц К. Указ, соч., с. 89.
- xlvi Там же, с. 89-90.
- xlvii Муравьев Н.Н. Записки//Русский архив. 1885. Кн. III, с. 250.
- xlviii Отечественная война 1812 года. Материалы ВУА. 1911 .Т. 18, с. 184.
- xliv Харкевич В. Указ, соч., с. 16-17.
- ¹ Попов А.Н. Движение русских войск от Москвы до Красной Пахры //Русская старина. 1897. Т. 3, с. 360.
- ⁱⁱ Диспозиция для 1-й и 2-й Западных армий, при с. Бородине расположенных августа 24 дня 1812 года//Бородино. Документы, письма, воспоминания М 1962, с. 81.
- ⁱⁱⁱ Русский архив. 1874, кн. 1, с. 1099.
- ⁱⁱⁱⁱ Попов А.Н. Указ, соч., с. 119.
- ^{lv} Бородинское сражение. Извлечение из записок генерала Пеле..., с. 91.